

БРАНД-ИБСЕН

БРАНД

Во всяком подневольном сообществе, будь то государство или каторжная тюрьма, – неизбежны и свои властолюбцы.

У властолюбия, кроме профессионалов, бывают и дилетанты, бывают непризнанные гении, неудачники, а нередко и жертвы.

История насчитывает несколько властолюбцев парадоксальных, Посейдон выбивал их своим трезубцем прямо из выжженной скалы, – покуда эти люди без прошлого были, кажется, только стратегами.

Но меня интересует сегодня совсем другая разновидность типа.

Мои властолюбцы не имеют ни гения, ни даже инициативы, это скорее *одержимые*, это – властолюбцы маниаки, и притом не столько трагические герои, сколько страстотерпцы.

Их властность определяется одной идеей – нравственного порядка. Войдя в них извне и уже готовая, в виде слов, эта идея мало-помалу выжигает из их сердец все, что ей в помеху, чтобы через самого человека стать кошмаром и наваждением для его окружающих.

Меня интересуют Бранды, люди с широкими плечами и узкими душами, люди, для которых нет смены горизонтов, потому что неподвижная волчья шея раз навсегда ограничила для них мир полем их собственного зрения.

Этих людей, наверное, не выбивал ни из какой скалы Посейдон, но зато их на славу стачал сапожник, дивно пригнав каждого Бранда по его колодке.

Я сказал *идея*, так как у меня не было другого столь же полного слова, но магической формуле Бранда далеко до нравственной идеи, которая всего чаще с таким трудом вырастает в душе человека, сначала перепутываясь с другими и пробивая, наконец, их гущу.

У Бранда не идея, у него формула, написанная на орифламме {1}: читайте и поучайтесь. "Будь цельным. Не надо половинчатости. Да или нет".

Получил свою формулу Бранд по наитию, ибо так хотел бог, его избравший.

Но формула – не идея. В идее, пока она жива, т. е. пока она – идея, неизменно вибрирует и взрастившее ее сомнение – возражения осилены, но они не убиты.

Идея слушает врага и готова даже с ним спорить. Ее триумф не где-то позади, а всегда далеко перед нею. Идея его не видит, она только предчувствует свой триумф.

Наоборот, орифламма – саркастична и непреклонна: она требует.

Сомнения и протест могут вызвать в ней лишь негодование, в лучшем случае – брезгливое сожаление. А весь блеск триумфа переживается ею бесценно, потому что он весь тут же, в золотом солнце самого знамени.

Вы скажете, ибсеновский Бранд страдает. Но что же из этого и кто же – в поэзии особенно – не страдает? Если у вас умрет ребенок, еще не умеющий говорить, то вы будете не только несчастны, а пришиблены его смертью, и будь вы решительно ни при чем в самом случае смерти, вы все же не так-то скоро справитесь с угрызениями своей потревоженной совести. А Бранд – ведь он даже не считает себя убийцей. Библейская формула дала ему Авраама, Исаака и Иегову {2} – и таким образом сняла у него с души все, что заставляет нас мучиться, бессмыслицу факта. Цель найдена – он, Бранд, принес жертву. Он – избранник, и этим все сказано. Бранд не вынашивал своей формулы, и именно потому, что эта формула далась ему слишком рано и даром и что она все-таки ему чужая, пусть после ставшая даже мучительной, – Бранды так всегда нетерпимы к людям.

Истинно терпим стану я, лишь когда на горьком опыте, стезей ошибок и падений, и главное – бесповоротно, я сознаю, что я вовсе не я, а только один из *них*, один из *них* и больше ничего. *Любовь к людям* не рождается с нами, она вовсе не одно из капризных настроений и уж менее всего дело темперамента.

Если это – точно любовь к людям, она серьезна и являет присутствие глубокого идейного начала. Пусть люди пошли вовсе не тем путем, который оставил мне, вдобавок к нравственному опыту – одышку и скорбные воспоминания, но я буду любить людей, именно вспоминая, как труден был мой